

Однако последний исследователь „Изборника“, Н. П. Попов,¹ убедительно доказал, что помещенный в „Изборнике“ „Стословец“ не может быть произведением переводным. Некоторые описания рукописных собраний, составленные в XIX веке, приписывают авторство „Стословца“ знаменитому патриарху Константинопольскому Геннадию Scholarios. Но последний, указывает Н. П. Попов, умер в конце XV века и, конечно, не может явиться автором произведения, в отношении которого документально засвидетельствовано, что оно появилось в XI веке. Нет оснований, продолжает Н. П. Попов, приписывать „Стословец“ и другому константинопольскому патриарху Геннадию, умершему около 471 года, поскольку, судя по дошедшим до нас отрывкам его сочинений, он занимался только вопросами канонического права и толкованиями. Других же Геннадиев не было среди патриархов. По наблюдениям Н. П. Попова, помещенный в „Изборнике“ 1076 года „Стословец“ содержит ряд рифмованных русских поговорок, вроде „даждь мокроуштому сухоту, зимному теплоту; омый скврнну тела его, яко убог есть зело; сим бо на стезю подвига вѣступаеши, душа же от расслабления свобожаети“. В изречениях „Стословца“ встречаются и оригинальные аллитерации, например: „Не буди гърд да не поне похвалиться гроб“. Все эти и другие наблюдения изобличают в авторе „Стословца“ мастера русской речи, а не просто переводчика с греческого.

Определенный ритм также чувствуется и в статье „Святого Василия о благопохвалении“. В ряде статей встречаются рифмы, например: „хранися от пития: оскврняеть бо молитвы твоя“; „кротость же есть никому не досажати ни в словеси, ни в делеси“. Здесь форма „делеси“ употребляется, видимо, ради рифмы, так как в других местах употребляется форма „в деле“. На основании своих наблюдений Н. П. Попов приходит к выводу, что начало нашей рифмованной прозы восходит к XI веку. Он считает также, что исследователь, который захотел бы изучить историю развития русских пословиц, нашел бы в изречениях „Изборника“ 1076 года немало ценнейшего материала.²

Если большинство статей „Изборника“ 1076 года является оригинальными произведениями, к которым нельзя подобрать греческих „оригиналов“, то и весь сборник в целом не воспроизводит ни одного нравоучительного сборника из обращавшихся в византийском обществе. По характеру содержащихся в нем наставлений „Изборник“ Святослава 1076 года больше всего приближается к многочисленным греческим сборникам, известным под названием „Гномология“ (собрание изречений). Однако опубликованные „Гномологии“ не только разнятся по форме от „Изборника“ 1076 года, но носят абстрактно-философский характер, в то время как русский сборник, как увидим дальше, тесно связан с жизнью, с вопросами практической морали. Даже там, где текст содержит прямые заимствования из греческих сочинений, они подверглись столь значительным дополнениям, переделкам и редакции, что и в отношении их можно говорить о самостоятельном творчестве.

В древнерусской письменности обращались многочисленные славянские списки вопросов Афанасия Александрийского и его ответов князю Антиоху, причем некоторые из этих списков содержат почти

¹ N. P o p o v. Les auteurs de l'Изборник de Svjatoslav de 1076. Revue des études slaves, Paris, 1934, t. XV, ff. 3—4, стр. 215.

² N. P o p o v. 1) Les auteurs. . . , стр. 210, 222; 2) L'Изборник de 1076 dit de Svjatoslav, comme monument littéraire. Revue des études slaves, Paris, 1934, t. XIV, ff. 1—2, стр. 17—21.